

Х. Арендт
О ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ФИЛОСОФИИ КАНТА:
КУРС ЛЕКЦИЙ

Лекции одиннадцатая
и двенадцатая¹

Позвольте мне повториться, чтобы напомнить вам, о чем мы говорили до ка-никул: мы обнаружили, что в политиче-ских вопросах расхожее различие, или противоречие, между теорией и практи-кой уподобляется у Канта различию ме-жду зрителем и актером, и, к нашему удивлению, мы увидели, что преимуще-ство отдается зрителю: не деяния и зло-деяния актеров сыграли ведущую роль в Великой французской революции, сде-лав ее всемирно-историческим событием, феноменом, о котором не стоит забывать, а мнения, восторженное одобрение зри-телей, т. е. тех людей, которые не прини-мали участия в происходящем. Мы также увидели, что эти сторонние наблюдатели – которые, по сути, сделали данное собы-тие значимым для истории человечества и тем самым для всех дальнейших дейст-вий – были связаны друг с другом (в от-личие от пифагорейского зрителя на Олимпийских играх и зрителей «плато-новской пещеры», которые не могли об-щаться друг с другом). Вот что мы по-черпнули из политических сочинений Канта; но чтобы лучше понять эту пози-цию, мы обратились к «Критике способ-ности суждения» и там обнаружили, что Кант в ней имеет дело с похожей или аналогичной ситуацией: отношениями между художником, творцом, или гени-ем, и его аудиторией. Снова перед Кан-том стал вопрос: кого считать более бла-городным и какое качество благороднее – знать, как создавать, или знать, как су-дить? Мы увидели, что это давний воп-рос, который поднимался еще Цицеро-ном, а именно, что все, кажется, способ-

¹ Продолжение, начало см. в Кантовском сборнике 2009. 1 (29). С. 122–128; 2009. 2 (30). С. 126–132; 2010. 1 (31). С. 112–117; 2010. 2 (32). С. 109–113; 2010. 3 (33). С. 113–119; 2010. 4 (34). С. 80–86; 2011. 1 (35). С. 98–103; 2011. 2 (36). С. 90–94; 2011. 3 (37). С. 98–104. и 2011. 4 (38). С. 106–112.

Перевод с английского выполнен по изданию: *Arendt H. Lectures on Kant's Political philosophy / edited and with an interpretative essay by R. Beiner. Chicago, 1982* и сверен по немецкому изданию: *Arendt H. Das Urteilen. Texte zu Kants politische Philosophie / Herausgegeben und mit einem Essay von R. Beiner. Aus dem Amerikanischem von U. Ludz. München : R. Piper, 1985.*

Все примечания к данному тексту принадлежат переводчику.

ны отличать верное от неверного в вопросах искусства, однако весьма немногие способны творить настоящее искусство; Цицерон также говорил, что это суждение осуществляется посредством «немного чувства» — подразумевая под ним, возможно, чувство, никаким другим образом себя не выражающее.

Подобное суждение еще со времен Грасиана было названо Вкусом, и мы вспоминали, что именно феномен вкуса привел Канта к написанию «Критики способности суждения»; на самом деле в 1787 г. он еще называл данную работу «Критикой вкуса». Это заставило нас затем спросить себя, почему мыслительный (mental) феномен способности суждения был выведен из чувства вкуса, а не из более объективных чувств, самым объективным из которых является зрение. Мы упоминали о том, что вкус и запах — это самые частные, индивидуальные ощущения. Это означает, что в них дается не объект, а лишь его чувственное восприятие, причем это ощущение не привязано к самому объекту и не может быть воспроизведено в памяти. (Вы можете узнать запах розы или вкус определенного блюда, вновь ощутив их запах, но в отсутствие розы или пищи вы не сможете ощущать их запах и вкус, тогда как можете представить место, которое ранее когда-либо видели, или любую мелодию, которую когда-либо слышали, даже в отсутствии в восприятии этого места или этой мелодии; другими словами, это ощущения, которые нельзя репрезентировать). В то же время мы увидели, почему именно вкус, а не какое-либо другое ощущение составляет основания для суждения; потому что только вкус и запах носят различительный характер по самой своей природе и только эти чувства относятся к частному как к частному, в то время как все объекты, предоставленные объективным чувствам, имеют общие свойства с другими объектами, то есть они не являются уникальными. Более того, в ощущениях вкуса и запаха это-мне-нравится-или-не-нравится имеет преобладающее значение. Такая реакция мгновенна и происходит без опосредования через какую-либо мысль или размышление. Эти ощущения субъективны, потому что сама объективность суждения об увиденном, услышанном или осязаемом при прикосновении в них уничтожена или, по крайней мере, не присутствует; это все внутренние ощущения, потому что пища, которую мы пробуем на вкус, оказывается внутри нас, так же, как и в некотором смысле запах розы. И это-мне-нравится-или-не-нравится почти идентично понятию это-согласуется-или-не-согласуется-со-мною. Суть в следующем: меня это непосредственно затрагивает. Именно по этой причине не может быть никакого спора о том, что здесь верно, а что — нет. *De gustibus non disputandum est* — о вкусах не спорят. Ни один аргумент не сможет убедить меня полюбить устриц, если я их не люблю. Иными словами, беспокоит в отношении вопросов вкуса то, что они не являются «сообщаемыми».

Решение этих загадок может быть указано в названиях двух других способностей: *способности воображения и общего чувства*.

Воображение, то есть способность делать присутствующим то, что в данный момент отсутствует, превращает объект в нечто, с чем мне не приходится сталкиваться непосредственно, но то, что я в некотором смысле воспроизвел внутри, так что теперь это может на меня воздействовать, как если бы оно передалось мне необъективным чувством. Кант говорит: «прекрасно то, что нравится только в суждении» [2, с. 147]. Это означает: не важно, доставляет ли оно удовольствие или нет при восприятии, все, что нравится лишь в восприятии — приятно, но не прекрасно. Доставляет удовольствие оно лишь при репрезентации, ибо теперь, когда мое воображе-

ние подготовило его, я смогу о нем подумать. Это — «операция рефлексии». Только о том, что затрагивает в представлении, воздействует, причем тогда, когда уже больше не подвергаешься влиянию непосредственного присутствия, когда находишься в стороне, как те зрители, которые не были вовлечены в реальные события Великой французской революции, — можно судить как о верном или неверном, важном или не имеющем значения, прекрасном или уродливом или чем-то среднем между этими крайностями. Лишь тогда речь заходит о суждении и уже более не о вкусе, потому что, хотя мы по-прежнему находимся под воздействием вкуса, представление позволяет нам от него дистанцироваться, придает нам удаленность, или невовлеченность, или незаинтересованность, т. е. необходимое условие для одобрения или неодобрения, для оценки чего-либо надлежащим образом. При удалении объекта создаются условия для беспристрастности.

Что касается общего чувства: Кант очень рано осознал, что есть нечто несубъективное в чувстве, кажущемся наиболее частным и субъективным. Это осознание выражается следующим образом: есть факт, что в делах вкуса «интерес прекрасное вызывает только в *обществе*... Брошенный на пустынном острове человек не стал бы для самого себя украшать свою хижину или наряжаться... [Его] не удовлетворяет объект, если он не испытывает к нему благоволение вместе с другими людьми» [2, с. 137–138]. Или: «Нам стыдно, если наш вкус не совпадает с другими», в то время как мы презираем себя, когда мы жульничаем во время игры, стыдно становится только тогда, когда поймают. Или: «В вопросах вкуса мы должны отказаться от себя в пользу других» [3, S. 334 f.] или в угоду другим (*Wir müssen uns gleichsam anderen zu gefallen entsagen*). И наконец, наиболее радикально: «во вкусе эгоизм преодолен», т. е. мы «внимательны [к другим]» в первоначальном значении этого слова. Мы должны преодолеть наши особые субъективные обстоятельства ради блага других. Иными словами, несубъективным элементом необъективных чувств является интерсубъективность. (Для раздумий необходимо одиночество, едой же приятнее наслаждаться в компании.)

Суждение, и в особенности суждение о вкусе, всегда рефлектирует о других и их вкусе, принимает в расчет их возможные суждения. Это необходимо, потому что я человек и не могу жить вне общества людей. Я сужу как член этого сообщества, а не как член сверхчувственного мира, населенного, вероятно, существами, которые наделены разумом, а не схожим чувственным аппаратом; как таковой, я подчиняюсь закону, данному мне, несмотря на то, что могут подумать об этом остальные. Этот закон очевиден и убедителен сам по себе. Основная направленность суждения и вкуса, похоже, находится в максимально возможной оппозиции с истинной природой, природой собственно самого чувства (вкуса), целиком индивидуальной. Отсюда напрашивается вывод о том, что способность суждения неверно выводить из этого чувства. Кант, будучи хорошо осведомленным обо всех последствиях подобного вывода, по-прежнему убежден в его правоте. И наиболее правдоподобным наблюдением, говорящим в его пользу, является его совершенно корректное утверждение, что истинная противоположность прекрасному есть не просто уродство, а уродство, «вызывающее *отвращение*» [2, с. 53]. И не забывайте, что Кант первоначально планировал написать «Критику морального вкуса», так что феномен прекрасного есть, так сказать, то, что осталось от его ранних наблюдений об этих феноменах суждения.

Лекция двенадцатая

Суждение состоит из двух мыслительных операций. Первая из них — это работа воображения, в которой оценке подвергаются предметы, уже отсутствующие в настоящий момент, удаленные от непосредственного чувственного восприятия и, следовательно, больше не аффицирующие напрямую; и, тем не менее, хотя объект удален от внешнего чувства, он становится теперь объектом внутреннего чувства. Когда представляешь себе некий отсутствующий объект, то как бы закрываешь те чувства, с помощью которых объекты даны в своей предметности. Чувство вкуса — чувство, в котором, так сказать, ощущаешь себя, это внутреннее чувство. Следовательно, «Критика способности суждения» вырастает из Критики вкуса. Эта операция воображения готовит объект к «операции рефлексии». Причем вторая операция — операция рефлексии — есть реальная деятельность по оценке чего-либо.

Эта двойная операция устанавливает важнейшее условие любого суждения, условие беспристрастности, «незаинтересованное благоволение». Закрыв глаза, становишься беспристрастным, не затронутым непосредственно, зрителем видимых вещей. Слепым поэтом. Кроме того, объединяя данные внешних чувств в объект своего внутреннего чувства, мы сжимаем и уплотняем многообразие данного чувственным путем, получая способность «видеть» глазами ума, т.е. разглядывать все, что придает смысл частностям. Преимущество зрителя состоит в том, что он видит спектакль целиком, в то время как каждый из актеров знает только свою часть, или, если ему приходится судить с точки зрения действия, только часть всего того, что касается непосредственно его. Актер, по определению, пристрастен.

Вопрос, который теперь возникает, заключается в следующем: каковы критерии операции рефлексии? Операция воображения позволила внутреннему чувству непосредственно ощутить присутствие отсутствующей вещи, и, по существу, это внутреннее чувство носит различительный характер, оно сообщает, что доставляет удовольствие, а что — неудовольствие. Это чувство носит название вкуса, потому что, подобно вкусу, оно *выбирает*. Но этот выбор сам по себе подчиняется еще одному: можно одобрить или не одобрить сам факт получения удовольствия, также подлежащий одобрительной или неодобрительной оценке. Кант приводит примеры: «радость нуждающегося, но благонамеренного человека при получении наследства от любящего, но скаредного отца» или, наоборот, «глубокая скорбь может даже нравиться тому, кто ее испытывает (например, горе вдовы, вызванное смертью ее обладавшего многими достоинствами мужа)»; или «удовольствие может сверх того еще и нравиться (например, как удовольствие от наук, которыми мы занимаемся), или как боль (например, причиняемая ненавистью, завистью, жадной мести) может к тому же еще и не нравиться» [2, с. 172–173]. Все это одобрение и неодобрение представляет собой запоздалые мысли; в то время пока вы проводите научные исследования, вы можете отчасти осознавать, что испытываете счастье от процесса, но только позднее, размышляя о нем, когда вы уже не заняты тем, что делали, будете ли вы в состоянии испытать это дополнительное «удовольствие»: удовольствие от одобрения этого процесса? В этом дополнительном удовольствии доставляет удовольствие уже не объект, а тот факт,

что мы судим о том, доставляет ли он удовольствие. Если относиться так ко всей природе или миру, мы можем сказать: мы довольны тем, что мир или природа доставляет нам удовольствие. Сам акт одобрения доставляет удовольствие, сам акт неодобрения — неудовольствие. Отсюда вопрос: как сделать выбор между одобрением и неодобрением? Один из критериев легко угадать, если учесть приведенные выше примеры, это критерий общаемости, или публичности. Нет желания выражать радость по поводу смерти отца или испытывать чувство ненависти и зависти; с другой стороны, можно без зазрения совести заявить о своей любви к науке, и никто не будет скрывать горе в связи со смертью своего прекрасного мужа.

Критерием, следовательно, является общаемость, а критерием принятия решения о ней — общее чувство.

Критика способности суждения, § 39 «О общаемости ощущения»

Действительно, чувственное ощущение есть «сообщаемое всем одинаковым образом, если допустить, что каждый обладает таким же чувством, как мы; но предположить это о чувственном ощущении безоговорочно нельзя». Это частные ощущения; к тому же к ним не относится ни одно суждение: мы просто остаемся пассивными, мы реагируем, мы не действуем настолько спонтанно, как если бы мы представляли себе что-то по своему желанию или размышляли об этом.

На противоположном полюсе мы обнаруживаем моральные суждения, которые, согласно Канту, являются необходимыми и продиктованы практическим разумом. Они могут быть сообщены, но это сообщение является вторичным, и даже если их не удалось сообщить, они останутся в силе.

В-третьих, у нас есть суждение о прекрасном, удовольствие, получаемое от него, — «это удовольствие сопровождает обычное схватывание [*Auffassung, а не «восприятие»*] предмета воображением... посредством такого действия способности суждения, которое она совершает при самом обычном опыте». Некоторые такие суждения заключены в любом опыте [*gemeiner und gesunder Verstand*], который мы переживаем в этом мире. Это суждение основано на присутствии «обычного здравого рассудка, наличие которого мы можем предполагать у каждого». Каким образом «общее чувство» отличается от других чувств, которые являются общими для всех нас, но которые, тем не менее, не гарантируют согласия ощущений?

Критика способности суждения, § 40 «О вкусе как о своего рода sensus communis»

Понятие меняется. Понятие «общее чувство» означало некое чувство, подобно остальным нашим чувствам, одинаковое для всех, но имеющее у каждого свои индивидуальные особенности. Используя латинский термин, Кант указывает, что здесь он имеет в виду нечто иное: особый смысл — нечто вроде особой умственной способности (нем. *Menschenverstand*), которая помогает приспособиться к жизни в обществе. «Обычный человеческий рассудок... считают наименьшим, чего можно ожидать от того, кто притязает на наименование человеком». Это способность, благодаря которой люди отличаются от животных и от богов. Именно человечность человека в этом смысле является очевидной.

Sensus communis — специфическое человеческое чувство, потому что от него зависит коммуникация, то есть речь. Для того чтобы сообщить о своих потребностях, выразить страх, радость и другие чувства, мы не нуждались бы в речи. Жестов было бы достаточно, а звуки могли бы с успехом заменить жесты, если было бы необходимо преодолеть большие расстояния. Коммуникация не есть выражение. Следовательно, «единственный общий признак помешательства — это потеря здравого смысла (*sensus communis*) и появление вместо него логического своемыслия (*sensus privatus*)» = «Das einzige allgemeine Merkmal der Verrücktheit ist der Verlust des Gemeinsinnes (*sensus communis*) und der dagegen eintretende Logische Eigensinn (*sensus privatus*)» [1, с. 147]. Безумный человек не утрачивает способности выражения своих потребностей, четко давая знать о них остальным людям.

«...под *sensus communis* следует понимать идею общего чувства, то есть способности суждения, мысленно (априорно) принимающего во внимание способ представления каждого, чтобы таким образом исходить в своем суждении как бы из всеобщего человеческого разума и избежать иллюзии, которая в силу субъективных частных условий, легко принимаемых за объективные, могла бы оказать вредное влияние на суждение. Происходит это благодаря тому, что свое суждение сопоставляют с суждениями других, не столько действительными, сколько возможными, и ставят себя на место другого, абстрагируясь от ограничений, которые случайно могут быть связаны с нашими собственными суждениями; а это в свою очередь достигается посредством того, что по возможности опускают то, что в представлении есть материя, то есть ощущение, и обращают внимание лишь на формальные особенности своего представления или своего созданного представлением состояния. Быть может, эта операция рефлексии покажется слишком изошренной, сложной, чтобы приписывать ее способность, именуемую нами *общим* чувством; однако она лишь кажется таковой, когда ее выражают в абстрактных формулах; на самом деле нет ничего более естественного, чем абстрагирование от привлекательности или трогательности, когда ищут суждение, которое должно служить общим правилом» [2, с. 153].

Далее следуют максимы человеческого рассудка (*sensus hominis*): мыслить самостоятельно (максима свободного от предрассудков мышления); мыслить, ставя себя на место другого (максима широкого мышления); и наконец, максима последовательного мышления, всегда мыслить в согласии с самим собой («mit sich selbst Einstimmung denken») [2, с. 135].

Эти максимы не имеют отношения к познанию; истина побуждает признать, что в «максимах» нет никакой необходимости. Максимы применимы и необходимы лишь в спорных вопросах и для суждений. И точно так же, как максима, на которую ориентируется поведение в вопросах морали, свидетельствует о качестве воли, максимы суждения — об «образе мысли» (*Denkungsart*) в мирских делах, определяемых чувством общности: «Сколько бы малы ни были объем и степень, достигаемые этим природным даром человека, он всегда свидетельствует о широте мышления, если человек способен выйти за пределы субъективных частных условий суждения — тогда как многие как бы скованы ими — и исходя из общей точки зрения (которую он может определить, только становясь на точку зрения других)» [2, с. 135–136].

Далее мы обнаруживаем четкое различие между тем, что обычно называют общим чувством, и *sensus communis*. Вкус есть то самое «общее чувст-

во» (*gemeinschaftlicher Sinn*), а чувство означает здесь «воздействие рефлексии на душу». Эта рефлексия воздействует на меня, словно чувство, причем именно чувство вкуса, обладающее различительной способностью и способностью выбирать. «Вкус можно было бы даже определить как способность судить о том, чему наше чувство [как ощущение] в данном представлении [не восприятии] придает всеобщую сообщаемость без опосредствования понятием» [2, с. 136].

«Следовательно, вкус есть способность *априорно* судить о сообщаемости чувств, связанных с данным представлением... Если можно было бы предположить, что всеобщая сообщаемость нашего чувства уже сама по себе должна представлять для нас интерес (однако делать такое заключение, исходя только из свойств рефлектирующей способности суждения, мы не вправе), то стало бы понятно, почему чувство в суждении вкуса предполагается у всех и считается едва ли не обязательным» [2, с. 136].

Продолжение следует

Перевод с англ. А. Н. Саликова

Список литературы

1. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Сочинения : в 8 т. М., 1994. Т. 7.
2. Кант И. Критика способности суждения // Там же. Т. 5.
3. Kant I. Reflexionen zur Anthropologie, Wr. 767 // Kants Gesammelte Schriften. Akademie-Ausgabe. В., 1910. Bd 15.

О переводчике

Саликов Алексей Николаевич — канд. филос. наук, зам. директора Института Канта Балтийского федерального университета им. И. Канта, salikov123@mail.ru

About translator

Dr Alexei Salikov, deputy director, Kant Institute, Immanuel Kant Baltic Federal University, salikov123@mail.ru